

Памяти Дмитрія Петровича Миллера.

(† 14 іюня 1913 года).

Какъ громомъ поразила меня вѣсть о преждевременной, неожиданной кончинѣ Дмитрія Петровича Миллера! Покойный былъ моимъ слушателемъ въ харьковскомъ университетѣ и однимъ изъ первыхъ моихъ учениковъ. Съ нимъ я связанъ былъ узами крѣпкой, никогда и ничѣмъ не омрачившейся 25-лѣтней дружбы, въ основѣ которой не мало сходства нашихъ научныхъ стремленій и интересовъ, а въ послѣдніе годы и его сотрудничество въ моихъ ученыхъ предпріятіяхъ.

Даровитый студентъ историко-филологическаго факультета, Дмитрій Петровичъ долженъ былъ бы обратить на себя вниманіе профессоровъ и могъ бы быть оставленъ при университетѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію и, прежде всего, мною по предмету русской исторіи, которой онъ интересовался уже на студенческой скамьѣ. Но онъ плохо слышалъ, и это закрыло предъ нимъ—такъ, по-крайней мѣрѣ, онъ самъ рѣшилъ въ своей щепетильной добросовѣстности—дорогу педагога и профессора-преподавателя. Онъ блестяще выдержалъ экзаменъ, получилъ степень кандидата, но долженъ былъ пріискивать себѣ средства для существованія инымъ, не педагогическимъ трудомъ. И это создало, особенно въ началѣ, крайне трудныя условія его жизни и научной работы. Я помню то время когда онъ былъ ночнымъ корректоромъ въ „Южномъ Краѣ“—и это при слабомъ здоровьѣ. Но его не могли не замѣтить и не оцѣнить въ редакціи литературной газеты—и онъ тамъ мало-по-малу занялъ мѣсто, достойное его широкаго образованія, знаній, ума, и твердыхъ честныхъ взглядовъ на общественную жизнь. И, дѣйствительно, трудно представить себѣ человѣка, болѣе подходящаго для роли „литературнаго“ редактора, которую онъ долго занималъ въ „Южномъ Краѣ“, но дѣлалъ это съ присущею ему необычайною скромностью, такъ что широкая публика, и даже харьковская не догадывалась, кто такъ заботится въ газетѣ о выборѣ подходящаго литературнаго матеріала и о достоинствѣ его съ точки зрѣнія изложенія, ибо никто не зналъ, какимъ мастеромъ русскаго слова былъ этотъ малороссіянинъ изъ

Ахтырки, никогда не порывавшій съ роднымъ краемъ, и всегда любившій и защищавшій при этомъ и родное малорусское слово.

Будучи идейнымъ руководителемъ изданія, а въ послѣднее время и однимъ изъ редакторовъ газеты, Дмитрій Петровичъ все же, благодаря своей особой скромности, по прежнему былъ неизвѣстенъ большой публикѣ и, вѣроятно, многіе теперь только изъ некрологовъ, посвященныхъ ему сотрудниками, впервые узнали объ его крупной, выдающейся роли въ редакціи. Такова была одна сторона жизни и дѣятельности почившаго. Трудно учесть ту огромную массу интеллектуальнаго труда, который положилъ покойный на пользу газеты, и притомъ нервнаго, напряженнаго труда, отъ котораго человѣкъ въ настоящее время тѣмъ быстрѣе сгораетъ, чѣмъ ярче свѣтитъ.

Но одновременно Дмитрій Петровичъ свѣтилъ, правда, ровнымъ, тихимъ, но не меркнувшимъ свѣтомъ и въ другой, столь далекой отъ публицистики сферѣ, какъ наука. И мы, свидѣтели его научныхъ интересовъ и работъ, должны заявить, что здѣсь, главнымъ образомъ, была его душа, что научная работа мысли была его истиннымъ призваніемъ, что здѣсь особенно выпукло и ярко проявлялся его талантъ изслѣдователя и историка-художника.

Наука въ Россіи и нынѣ, какъ и прежде, двигается, главнымъ образомъ, академиками и профессорами университетовъ. Дмитрій Петровичъ представлялъ изъ себя рѣдкій типъ ученаго, официально не принадлежавшаго къ преподавательской университетской коллегіи и не имѣвшаго даже высшей ученой степени. Но онъ вошелъ въ соприкосновеніе съ научными интересами на историко-филологическомъ факультетѣ харьковскаго университета, затѣмъ питалъ, укрѣплялъ эти интересы живымъ общеніемъ съ дѣятелями науки, поддерживалъ ихъ своими занятіями въ качествѣ помощника бібліотекаря университетской бібліотеки и постоянного дѣятельнаго члена состоящаго при университетѣ харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Эти учрежденія не только замѣнили ему ту школу, которую проходятъ молодые люди, готовящіеся къ занятію каведры, но и пріобщили его къ самостоятельной разработкѣ вопросовъ изъ русской исторіи. Въ вѣдѣніи Историко-филологическаго Общества находится драгоценный Историческій архивъ, заключающій массу никѣмъ не использованныхъ матеріаловъ по исторіи Малороссіи и Слободской Украйны. Дмитрій Петровичъ сталъ разрабатывать документы этого архива—естественно, что въ эту сторону и направились его ученые интересы. Здѣсь онъ могъ открыть новыя историческія данныя, ввести ихъ въ научный обиходъ. Но онъ не былъ узкимъ архивистомъ: обладая широкою начитанностью въ русской исторіи вообще и глубокими познаніями въ южно-русской исторіи въ частности, онъ могъ

изслѣдовать и оцѣнить всякій новый архивный документъ какъ со стороны внѣшней, такъ и со стороны внутренней исторической критики, т.-е. опредѣлить не только достовѣрность и значеніе источника, но и содержащагося въ немъ факта, поставить его въ связи съ другими извѣстными въ наукѣ фактами; онъ могъ выбирать для своихъ работъ то, что являлось цѣннымъ; наконецъ, благодаря своимъ библиотечнымъ занятіямъ, дававшимъ ему возможность знакомиться съ движеніемъ и успѣхами не только русской исторіи, но и сопредѣльныхъ съ ней отраслей знанія, у него получался тотъ широкій кругозоръ, который позволялъ ему освѣщать изслѣдуемое имъ историческое явленіе широко научной перспективой; его библиографическими познаніями пользовались не только учащаяся молодежь, но и профессора, въ особенности въ излюбленной имъ области русской исторіи; плодомъ его библиографическихъ занятій здѣсь служить составленный имъ рукописный каталогъ книгъ по русской исторіи въ университетской библіотекѣ, которымъ пользовались многіе. Горниломъ, черезъ которое онъ проводилъ свои ученые труды и дѣлалъ доклады, было харьковское Историко-филологическое Общество и всероссійскіе археологическіе съѣзды; онъ принималъ дѣятельное участіе въ ихъ трудахъ и знакомился съ ихъ участниками.

Переходя къ ученымъ трудамъ Дмитрія Петровича, я замѣчу только, что они, въ своей совокупности, оставили видный слѣдъ въ южно-русской исторіи—одна половина ихъ относится къ исторіи лѣвобережной Малороссіи, другая—къ исторіи нашего края—б. Слободской Украины.

Интересны уже первыя ученыя статьи Дмитрія Петровича, напечатанныя въ жур. „Кіевская Старина“ за 1892—1899 г.г.—„*Голштинскіе наборы въ Малороссіи*“ и „*Пикинерія*“; они основаны, главнымъ образомъ, на данныхъ нашего Историческаго архива, затрагиваютъ любопытные вопросы изъ исторіи гетманщины въ царствованіе Петра III-го и въ началѣ царствованія Екатерины II-й и рѣшаютъ ихъ на основаніи критическаго сопоставленія прежнихъ мало достовѣрныхъ свидѣтельствъ съ новыми, имъ открытыми, документальными данными.

Сюда же нужно отнести и его статью „*Хозяева и постояльцы*“ въ XVIII томѣ „Сборника харьковского Историко-филологическаго Общества“. вмѣстѣ съ покойнымъ М. М. Плохинскимъ онъ опубликовалъ въ томъ же „Сборникѣ“ (т. VI) рѣшенія Стародубскаго магистратскаго суда съ 1690-го по 1722-й годъ, которыя представляютъ значительный интересъ для исторіи такъ называемаго магдебургскаго (т.-е. нѣмецкаго) городского права въ Малороссіи. Но самыми цѣнными его мо-

нографіями по історіі лѣвобережной Малороссіи нужно признать его „Очерки изъ історіи и юридическаго быта старой Малороссіи“, заключающіе два обширныя и документальныя изслѣдованія — 1) о городскихъ, земскихъ и подкоморскихъ судахъ въ Малороссіи и 2) о превращеніи казацкой старшины въ дворянство. Они удостоены были преміи имени Импер. Александра II-го на основаніи рецензіи извѣстнаго историка Малороссіи А. М. Лазаревскаго и могли бы смѣло дать автору по крайней мѣрѣ степень магистра. Въ послѣднее время Дмитрій Петровичъ много трудился надъ новою работою по внутренней історіи Малороссіи — писалъ изслѣдованіе о „Цѣхахъ въ Малороссіи“, которое въ виду его особаго интереса для европейскихъ ученыхъ хотѣлъ напечатать на *нѣмецкомъ языкѣ*. Я знаю, какіе цѣнные неизданные матеріалы удалось ему собрать по этому любопытному вопросу — и увѣренъ, что это изслѣдованіе могло бы представить изъ себя хорошую докторскую диссертацию.

Въ области изслѣдованія Слободской Украины ему принадлежитъ около половины 1-го и немного болѣе половины 2-го тома „Исторіи г. Харькова“, которая написана мною и имъ совмѣстно. И я долженъ по совѣсти засвидѣтельствовать, что не будь у меня такого сотрудника, какъ покойный Дмитрій Петровичъ, этотъ трудъ не могъ бы выйти въ намѣченномъ мною масштабѣ и планѣ. Въ своемъ отчетѣ объ этомъ трудѣ харьковской городской думѣ я точно указалъ главы, составленныя Дмитриемъ Петровичемъ и мною. Могу прибавить, что на его долю выпала огромная работа пересмотра всего стараго архива городской думы. Многія главы, написанныя Дмитриемъ Петровичемъ, представляютъ образцовыя изслѣдованія различныхъ сторонъ городской жизни въ ихъ эволюціонномъ развитіи. И первый, и второй томъ этого труда былъ увѣнчанъ полною преміей имени Импер. Александра II-го. Дмитрію Петровичу принадлежитъ обширная монографія объ архивахъ Харьковской губ., имъ изслѣдованныхъ и статья о В. Н. Каразинѣ. Отличительною особенностью всѣхъ сочиненій Дмитрія Петровича нужно признать помимо богатства и свѣжести ихъ содержанія также ихъ блестящее, подчасъ художественное изложеніе. Такимъ характеромъ особенно отличаются страницы, написанныя имъ для „Исторіи Россіи“ въ изданіи „Народной энциклопедіи“. Ему принадлежитъ тамъ 7 главъ (III, IV, V, IX, X, XI и XIV) изъ 17, т.-е. болѣе $\frac{1}{3}$ всей книги. Даръ популярнаго изложенія проявилъ Дмитрій Петровичъ впрочемъ еще и ранѣе въ составленныхъ имъ для Народнаго чтенія и изданныхъ харьковскимъ Обществомъ грамотности брошюрахъ — 1) Заселеніе Новороссійскаго края и Потемкинъ, и 2) А. Г. Разумовскій.

А чтобы достойно оцѣнить это духовное наслѣдіе Дмитрія Петровича, необходимо знать и понимать, что работать въ области русской исторіи онъ могъ только урывками, исключительно, можно сказать, на счетъ своего отдыха,—или ночью, послѣ тяжелыхъ занятій въ редакціи и библіотекѣ, или во время кратковременныхъ отпусковъ; обычно же и лѣтомъ онъ не могъ оставить своихъ отвѣтственныхъ работъ въ этихъ учрежденіяхъ. Что было бы, сколько бы онъ оставилъ научныхъ работъ, если бы могъ всецѣло посвятить себя имъ. Покойный представляетъ изумительный и рѣдкій примѣръ самоотверженной любви къ наукѣ и дѣятельному труду на благо общее.

Пусть же свѣтлая память о немъ служить ободряющимъ примѣромъ для всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ жить сознательною идейною жизнью!

Заслуженный проф. Дм. Багалый.
